

Он просто спокойно сидел там, не напуская на себя важности, не притворяясь безмятежным, не проявляя намеренной холодности и отчуждения, без лишних эмоций. Весь человек был словно тихая заводь. Чжоу Юньян подозревал, что даже если он вытащит нож и приставит к шее, угрожая смертью, тот и глазом не моргнет. Чжоу Юньян испытывал и головную боль, и бессилие, но вынужден был набраться терпения и улецивать его.

— Вчера я снова повел себя как дурак, не принимай близко к сердцу. Я просто... — Встретившись с безмятежным взглядом Е Тао, Чжоу Юньян вдруг почувствовал, что нет даже необходимости объяснять, почему он потерял контроль и вспылал. Он осекся, затем снова отступил и пошел на компромисс. — Если ты не хочешь вспоминать прошлое, мы не будем вспоминать. Больше не будем.

— Не то чтобы я не хочу, а просто в этом нет необходимости. Придерживаться прошлого легко испортить отношения. — Е Тао просто хотел провести черту, не желая разжигать противоречия.

— Ну ладно, что ты не злишься. Я только боялся, что ты будешь еще больше сердиться на меня. — Чжоу Юньян с трудом улыбнулся, а затем перешел к цели визита.

— Вчера я разговаривал с бабушкой по телефону. Бабушка велел нам провести летние каникулы в Хуэйчжоу. Если твое здоровье позволит, он, возможно, отвезет нас в Бинчэн, чтобы спастись от жары. Даже если мы не поедем в Бинчэн, это все равно свободнее, чем сидеть дома. Только... — Чжоу Юньян выглядел озабоченным. — Ты же знаешь, дядя всегда не любил, чтобы мы слишком сближались. Если я скажу ему, он, скорее всего, не согласится, а просить бабушку поговорить с ним тоже нехорошо.

Для Чжоу Юньси, подобного птице в клетке, поездка была соблазном, который трудно было отвергнуть. Если бы услышавший эту новость был прежним Чжоу Юньси, он бы наверняка с радостью взял на себя задачу уговорить дядю, не жалея ни капризов, ни хитростей, лишь бы добиться его согласия. Но услышал эту новость Е Тао, да еще в такой момент, и ему было трудно не заподозрить Чжоу Юньяна в скрытых намерениях. Не то чтобы у парня были дурные мысли, но мысль воспользоваться возможностью, чтобы вернуть сердце возлюбленного, вполне вероятна. Чжоу Цзыцянь был занят на работе, и возможность сопровождать двух племянников в Хуэйчжоу была невелика. А Чжоу Юньян побаивался Чжоу Цзыцяня; если того не будет, он будет гораздо меньше беспокоиться.

— Я пойду поговорить с дядей. — Е Тао немного поколебался, но согласился.

Чжоу Юньян тайно выдохнул облегчение. Он пришел вчера именно ради этого дела. Ссора произошла из-за импульсивности, это был несчастный случай. Вскоре после ухода он уже пожалел об этом. Их отношения уже стали такими отдаленными, как он мог еще подливать масла в огонь? К счастью, Юньси в конце концов все еще любил повеселиться.

Не успело солнце склониться к закату, как небо уже потемнело. Плотные тучи черной пеленой покрыли небо над столицей, грохот грома катился по небу, словно предвещающая бурю.

Баобао силой загнал своих бойких брата и сестру в кошачий домик. Два котенка ничего не понимали и хотели выбежать наружу, но Баобао, обхватив брата четырьмя лапами и зажав в зубах хвост сестры, ни за что не выпускал их, думая: «Кто знает, какой вид у мамы Доу? Вдруг она демон, тогда мы трое — маленькие демоны, а если нас ударит молния, что тогда?»

Пока Баобао там использовал и лапы, и зубы, чтобы избежать громовой казни, Сяо Чэн в комнате Е Тао возился с тем очистителем воздуха, который насыщает кислородом. Е Тао же

сидел под крыльцом перед домом, ожидая дождя. Низкое давление перед дождем заставляло людей с плохой функцией сердца и легких чувствовать стеснение в груди и беспокойство, не находя себе места. Если бы это был прежний молодой господин Чжоу, он бы, возможно, снова стал раздраженным и нетерпеливым, видя в каждом лице чашку с лекарством.

После того как молния явила свою божественную мощь, наконец пошёл сильный дождь. В столице много машин и людей, давление на трафик огромное, а в дождные дни ещё больше. Чжоу Цзыцянь днём не пошёл в компанию и успел избежать самых перегруженных участков, вернувшись домой примерно в обычное время.

За ужином Е Тао рассказал Чжоу Цзыцяню о том, что старый господин велел ему и Чжоу Юньяну поехать в Хуэйчжоу. Чжоу Цзыцянь тогда не высказал своего мнения, но после еды позвонил отцу и вежливо отказался, сославшись на то, что Юньси только после Нового года переболел и, боясь, что разъезды между двумя местами ему не по силам.

— Как снова заболел? — Чжоу Сяньжэнь не удивился, но беспомощность была неизбежна. Он возлагал большие надежды на старшего сына, но тот преждевременно ушел из жизни. Он любил внука, как самого себя, но тот был слаб и болезненно, хотел держать его рядом, чтобы заботиться, но боялся, что его конституция слишком слаба и он заразится его туберкулезом легких.

— Простудился во время смены сезонов, вяло лечился какое-то время, побоялся вас волновать и не сказал. — Чжоу Цзыцянь с самого начала не упоминал отцу о попытке племянника покончить с собой. Это дело было не только непристойным, но и легко могло привлечь неприятности. Все, кто знал, были подзужены к молчанию, считалось, что молодой господин неосторожно упал в воду. Даже старые слуги, нанятые его отцом в ранние годы, не осмелились проронить ни слова.

— Ладно, пусть поправляется. Приедет на Праздник Весны — то же самое. — Чжоу Сяньжэнь дал несколько наставлений и повесил трубку.

Чжоу Цзыцянь положил трубку и посмотрел на Е Тао. Увидев его хмурое личико, он потянул его за мочку уха:

— Не доволен?

Е Тао сидел рядом, ел цукаты и, услышав это, бросил на него взгляд:

— Не доволен, но я знаю, что вы для меня хорошо, и еще боюсь, что вы пожалуетесь дедушке на меня.

— А ты еще умеешь бояться? — Чжоу Цзыцянь рассмеялся, протянул руку и обнял Е Тао к себе. Слишком близкое расстояние заставило запах трав от Е Тао ударить в нос Чжоу Цзыцяня.

Е Тао слегка пошевелился:

— Я только что выпил лекарство, живот немного вздут.

— Не двигайся. — Чжоу Цзыцянь позволил ему опереться на себя, одной рукой накрыл его желудок и начал мягко растирать. Через несколько движений вышел отрыжка воздухом, звук был тихим и слабым, словно раковина на морском дне выпускала пузырьки, но поднимавшийся запах был очень резким лекарственным.

Е Тао откусил кусочек персикового цуката, держа его в руке, чтобы перебить горечь во рту.

Чжоу Цзыцянь с улыбкой сказал:

— Еще ешь? Вздут или нет?

Е Тао лениво объяснять, сам продолжал жевать цукаты.

Чжоу Цзыцянь подумал, что он недоволен из-за невозможности поехать в Хуэйчжоу развлечься, поэтому стал его улещивать:

— На выходных отвезу тебя в лавку с нефритовыми изделиями, хорошо?

Е Тао только тогда поднял глаза и посмотрел на него:

— Это вы раньше обещали. Даже если я сом, вы не можете рассчитывать, что меня дважды соблазнят одной и той же вьюнью.

Чжоу Цзыцянь был смешон этим сравнением:

— А сколько нужно вьюнок?

— Клевать на крючок — это вынужденная мера, я скорее хочу вернуться в реку и сам ловить еду.

— Это не пойдет, я боюсь, что тебя съест большая рыба.

Хотя это были шуточные слова, они невольно выдали философию воспитания этого человека. Е Тао тайно вздохнул: «Ладно, какой там отпуск на волю или ловля еды, сейчас всё пустые разговоры».

— Почему опять не весел? — Чжоу Цзыцянь, увидев, что он молчит, подумал, что у него настроение. — Всё труднее тебя улещивать.

Е Тао тоже был беспомощным:

— Не улыбнуться ли вам?

Хоть он так и сказал, Е Тао лениво заставлял себя улыбаться. Он просто использовал те черные влажные глаза, чтобы смотреть на Чжоу Цзыцяня с безысходностью и спокойствием. Лицо юноши было изящным и красивым, ресницы длинными, как крылья ворона, бледно-голубые сосуды на висках из-за слишком белой кожи, лишенной крови, то появлялись, то исчезали. Родинка под глазом добавляла этому лицу без лишних эмоций оттенок, вызывающий жалость и любовь. Однако самыми красивыми и способными сбить с толку людей были глаза. Чжоу Цзыцянь, на которого смотрели, словно был очарован, на мгновение потерял сознание, наклонился и поцеловал. Е Тао инстинктивно отвернул голову, мягкие губы коснулись родинки под глазом и упали на виски.

Е Тао просто думал, что Чжоу Цзыцянь снова по привычке берет племянника за трехлетнего ребенка, не зная, с каким настроением тот его поцеловал. На самом деле, даже сам Чжоу Цзыцянь не мог ясно сказать, о чем он думал в тот момент мгновенного оцепенения и потери души. Интимная любовь к ребенку, которого он вырастил? Должно быть, так, но раньше почему-то не было этого тонкого, трудноописуемого чувства?

Баобао внезапно появился, как маленькая пушка, влетел в центральный зал, без лишних слов вспрыгнул на диван и силой втиснулся между ними двумя. Телом прижимаясь к Чжоу Цзыцяню, он толкал Е Тао, используя все четыре лапы, без остатка сил: «Опять пользуешься моим отсутствием, чтобы нежиться, совсем не ставите меня, молодого хозяина, в глаза!»

Дождь только что перестал, Баобао вернулся, наступая в воду. Четыре маленькие лапки были мокрыми и грязными, пихнет-толкнет, пнет два раза — на теле Е Тао уже плотная куча следов лап.

— Что за буйство? — Чжоу Цзыцянь мастерски поднял Баобао, затем мастерски бросил его на пол.

Баобао был и зол, и обижен, мяукал на Чжоу Цзыцяня:

— Я твой племянник! Вы не можете так со мной поступать!

Чжоу Цзыцянь громко крикнул:

— Сяо Чэн, отведи Баобао мыться.

Авторское примечание:

Задача на эту неделю — 15 000 слов. Запасы текста всё меньше, и мое настроение такое же противоречивое, как при расточительной трате последних скудных сбережений.

<http://bllate.org/book/17687/1650192>